

Коровкина Н.В.
korovkina-natalya@list.ru

Садретдинова Э.В., канд. социол. наук
golichev@mail.ru

Башкирский государственный университет,
факультет философии и социологии,
кафедра социологии и работы с молодежью,
Россия, Уфа

DOI: 10.24153/2079-5912-2020-11-6-36-42

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРИОБЩЕНИЕ ДЕТЕЙ К РЕЛИГИИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЬЯХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Аннотация: Статья раскрывает некоторые результаты социологического исследования об особенностях религиозной идентичности супругов и практиках приобщения детей к религии в межнациональных семьях (на примере Башкортостана). Данная тема наиболее актуальна для полиэтничных регионов, где межконфессиональные браки довольно распространены, несмотря на наличие у части населения изоляционистских установок. Браки между представителями различных религиозных течений приводят к формированию особой межкультурной среды взаимодействия, требующей со стороны супругов принятия множества решений, в том числе о конфессиональной принадлежности детей, о выборе механизмов формирования религиозной идентичности. В статье на основании авторских исследований анализируется состояние религиозной идентичности жителя полиэтничного региона в динамическом аспекте, особое внимание уделяется супругам, состоящим в межнациональном браке. Изучаются варианты религиозных коммуникаций, среди которых доминирует совместное сосуществование религий в вариациях от «общей / единой религии» до «равноправия». Большая часть изученных семей по структуре власти и модели воспитания отнесены к эгалитарному, демократическому типу. Приводятся данные о состоянии религиозной идентичности детей, воспитывающихся в полиэтничных семьях. Преобладающими мотивами приобщения детей к религии авторы называют традиционный, психологический и воспитательный. На основании представленного материала авторы приходят к выводу о наличии двух наиболее распространенных моделей приобщения детей к религии в межнациональных семьях: пассивной (опосредованной) и активной религиозной социализации. Первая модель является наиболее популярной у жителей крупных городов, в пользу второй делают выбор традиционные семьи.

Ключевые слова: межнациональная семья, межконфессиональный брак, религиозная идентичность, конфессиональная идентичность, практики приобщения к религии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Исследовательский проект № 19-011-00339 «Ценности и практики этнической социализации в разных типах межнациональных семей в условиях модернизации и полиэтничности российского общества»).

22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Введение. Религиозную идентичность в историческом контексте принято считать одной из первых форм социальной идентичности. В качестве ее оснований назовем принадлежность индивида к вероисповеданию и религиозному сообществу [5, с. 155]. Религиозная идентичность человека формируется в результате соотнесения себя с определенной религией. Конфессиональная идентичность – составляющая религиозной идентичности, результат самоотождествления с определенным религиозным течением или конфессией.

Существуют различные формы религиозной идентичности: от религиозности – через неопределенность отношения к религии, индифферентность к агностицизму и атеизму. Внутренняя религиозность проявляется в вере как таковой; внешняя религиозность сводится к соблюдению религиозных правил. Религиозная идентификация динамична и находится под влиянием экономических, политических, идеологических и субъективных факторов [3, с. 335-337]. Ее изучение представляет собой довольно сложную задачу с методологической точки зрения [2].

В современной России и особенно в полиэтничных регионах распространены межнациональные браки. Последние являются особой средой межкультурного взаимодействия, основными участниками которого выступают супруги и их дети. Одним из наиболее сложных с точки зрения коммуникации вариантов межнациональной семьи является межконфессиональный брак, когда супруги решают множество вопросов, возникающих в процессе воспитания детей. Этническая и религиозная социализация в поликультурных семьях – это актуальная тема, требующая пристального внимания представителей социальных наук.

Методология исследования. Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса полиэтничных семей Башкортостана в 2019 г. Объем выборки в качественном интервью составляет 35 родителей (отцов или матерей) и 35 детей в возрасте от 16 до 23 лет из этих же семей. Основным объектом являлись полные семьи, в которых брак для супругов единственный. В выборку включались также семьи, в которых один из супругов не является биологическим родителем опрашиваемого ребенка, но длительное время воспитывал его.

В анкетировании приняли участие 363 родителя и 363 ребенка из этих же семей. Среди родителей отцы составляют 47,4%, матери – 52,6%. Респонденты опрошены в 19 городах и в 31 муниципальном районе Башкортостана. Выборка для анкетирования стратифицирована по критерию «место жительства» (городское и сельское население).

По сочетанию национальности мужа и жены выделено два типа семей: основанные на браке между представителями традиционных для республики национальностей, а также семьи, созданные на основе брака между представите-

лями традиционных и нетрадиционных для республики этносов.

Также при написании статьи использованы данные опросов по проблематике социальной идентификации и межнациональных отношений, реализованных методом стандартизированного интервью в Республике Башкортостан в период с 2012 по 2019 г. Отбор респондентов происходил согласно квотной районированной выборке с охватом всей территории республики, объем выборки составил 1000 человек – в 2012 и 2015 гг., 751 – в 2019 г.

Результаты исследования. Проанализируем состояние и особенности формирования религиозной идентичности в полиэтничных семьях. Поликонфессиональность является потенциальным источником социальных конфликтов. Рыжова С.В. отмечает, что «риски этнической и конфессиональной нетерпимости порождаются не верой, а трактовкой религиозным сознанием острых социальных противоречий и проблем» [6, с. 2555]. В опросе 2012 г. высокую степень лояльности и толерантности выразили 66,3% опрошенных, согласившихся в разной степени с утверждением, что любые религиозные течения имеют право на существование. В 2016 г. наличие проблем в общении с представителями некоторых национальных и религиозных групп признали 45,6% опрошенных, но их большая часть (35,6%) испытывала подобные трудности редко. 41,4% утверждали, что со всеми находят общий язык.

Конфессиональная идентичность пересекается с этнической самоидентификацией и может быть маркером этнической (этнонациональной) идентичности [3, с. 335]. В повседневных, бытовых коммуникациях возможно наложение религиозной идентичности на этническую [4; 7; 8]. Однако это не отменяет большей значимости для опрошенных этнических конфликтов в сравнении с религиозными. В 2016 г. 11,6% респондентов к числу проблем российского общества отнесли религиозные конфликты, в то время как межнациональные противоречия обозначил каждый пятый (19,6%). Религиозные конфликты волнуют 12,9% русских, 13,4% татар и 10,2% башкир. Сильнее обеспокоенность выражена у молодежи и проживающих в среднем городе и сельской местности.

В 2012 г., оценивая значимость принадлежности к различным социальным общностям, важность религиозной идентичности в той или иной мере подтвердили 67% респондентов. В 2016 г. значимость религиозной идентичности признали 64%, в 2019 г. – 57,1% опрошенных. Не представляют себя вне религиозной общности 12,6% башкир, 12,2% русских, 9,4% татар. Тенденция усиления значимости конфессиональной идентичности прослеживается в зависимости от возраста респондента: не представляют себя вне религиозной группы 19,8% опрошенных старше 61 года и 3,4% – моложе 20 лет.

В 2016 г. 9% респондентов назвали себя неверующими, а 5,6% не смогли ответить на вопрос. 30,7% выбрали христианство, 34,8% – ислам, 1,5% – другие конфессии и почти каждый пятый (18,2%) сказал, что просто верит в Бога, но не относит себя к определенной религии. В 2019 г. среди супругов в межнациональных браках большинство (около 80%) признают в разной степени значимость религии в своей жизни. Примерно каждый пятый не считает себя верующим (18,6% женщин и 20,4% мужчин).

Более половины опрошенных определились с религией (57,0% женщин и 61,1% мужчин); женщины чаще называют себя верующими, но не определившимися с вероисповеданием (9,8% против 4,1%). Большинство респондентов относят себя к христианству или исламу.

Мужчины более высоко оценивают себя по критерию «знаю, понимаю и всегда соблюдаю» обычаи, традиции своей религии (10,1% против 4,9% женщин). Женщины чаще признаются, что соблюдают традиции лишь иногда, хотя знают и понимают их смысл (47,5% мужчин против 40,5% среди женщин). В целом, большая часть респондентов обоих полов хотя бы иногда соблюдает религиозные традиции.

Интересным является вопрос о наличии изоляционистских установок на брак с представителем другой веры. В разной степени значимость вступления в брак с представителем своей религии признали треть опрошенных (33,7% женщин и 32,1% мужчин). Качественные интервью демонстрируют, что часть индивидов, склонных проявлять изоляционистские установки, могут выражать большую готовность вступать в полиэтничный брак с представителем своей конфессиональной группы, нежели с человеком другой религиозной принадлежности.

Большинство опрошенных (63% женщин и 89% мужчин) считают, что супруги должны уважать веру друг друга и не менять вероисповедание при вступлении в брак. 29,3% женщин уверены, что этот вопрос не важен для семьи. Возможность смены религии мужа на религию жены признают лишь 1,5% женщин, в то время как смену религии женой допускают 6,2% женщин и 11% мужчин.

Почти половина респондентов не заключали брак по религиозному обычаю, треть заключили брак по обычаям общей для супругов религии. Значительно ниже доля заключивших брак по религиозным традициям мужа или жены; не превышает 2% число тех, кто совершал обряды двух конфес-

сий. Большинство делают это в силу влияния традиций и ближайшего окружения.

Встает вопрос о том, как складывается коммуникативная ситуация в семьях, где сталкиваются несколько религий. Особняком стоит вариант отрицания супругами религиозных воззрений. В остальных случаях возможны, как правило, две стратегии: доминирование одной из религий или сосуществование религий супругов. Исследование подтвердило, что наиболее распространенным вариантом религиозных коммуникативных решений в межкультурных семьях является одновременное сосуществование религий супругов, среди которых можно наблюдать три вида: а) совпадение религий (общая/единая); б) невмешательство в систему религиозных воззрений супруга/супруги; в) равноправие. Наиболее распространены варианты «совпадение» и «равноправие», что проявляется в отношении респондентов к религиозным традициям и праздникам (см. табл.), а также в формировании у детей представлений либо об общей для супругов религии (более трети респондентов), либо о религии и матери, и отца (более четверти опрошенных). Как результат, родители чаще говорят о том, что дети знакомы с обеими культурами в равной степени (более 60% опрошенных супругов).

Религиозная идентичность ребенка в полиэтнических семьях складывается как результат влияния аскриптивных факторов и практик социального конструирования. В значительной степени формирование конфессиональной идентичности происходит неосознанно, большую роль играет подражание образцам идентификации. По мнению психологов, оформление религиозной идентичности происходит в подростковом возрасте. При этом религиозная идентификация может протекать более сложно, чем этническая, так как не предопределена фактом принадлежности при рождении [5].

Существуют различные подходы к анализу формирования религиозной идентичности, основные критерии которой – предписание или свободный выбор, принятие/непринятие религиозных представлений [1].

Более половины родителей признаются, что воспитывают детей как верующих. Результаты анкетирования детей из полиэтнических семей демонстрируют, что треть опрошенных не считают себя верующими, треть – определились с конфессиями, каждый десятый называет себя верующим, но не определившимися с религией. Почти каждый третий ребенок

Таблица 1 - Чьи религиозные обычаи и традиции соблюдаются в Вашей семье? (в %)

Варианты ответов	Женщины	Мужчины
Религии мужа	4,0	4,2
Религии жены	6,9	1,8
Муж соблюдает обычаи и традиции своей религии, жена – своей	5,2	9,4
Оба соблюдаем обычаи и той и другой религии, хотя религии у нас разные	22,6	23,5
Общие обычаи, так как религия у нас одна	31,6	39,5
Не соблюдаем вообще	12,2	14,6
Затрудняюсь ответить	17,4	7,1

делает выбор в пользу общей для родителей конфессии, в случае несовпадения 15% детей сделали выбор в пользу религии матери, почти 10% – отца.

Более 40% родителей (44% матерей и 41% отцов) предоставляют своим детям возможность самостоятельно решать вопрос о вере: «Я говорил только [дочери], что против нее [религии]. Сказал: «Я тебя крестить не буду. Вырастешь – захочешь, проблем нет» (муж., 59 лет).

Еще 18,7% женщин и 9,9% мужчин признали за детьми право выбора религии. Значительная часть из них (34,7% матерей и 42,6% отцов) предоставляют ребенку право выбора из альтернативы «религия отца/религия матери». 6,5% мужчин и 1,6% женщин высказались за религию отца, в то время как религию матери поддержали лишь 0,5% опрошенных женщин, что свидетельствует о преобладании в отдельных семьях патриархальных установок.

Вопрос религиозной самоидентификации является сложным по ряду причин. Среди них важнейшим фактором выступает уровень доверия к институту религии: «У меня такая позиция, я верю в Бога, но я не совсем верю в религию. Потому что это все-таки разные вещи. ... И вообще христианство принесли из Византии, чтобы лучше контролировать людей, чтобы сдерживать какие-то бунты, чтобы у людей появились какие-то нормы, которым бы они следовали» (дев., 18 лет).

Качественные интервью демонстрируют, что зачастую родители воспринимают веру как важнейший механизм воспитания достойного человека: «Религия учит морали. Сейчас у них нет морали, из-за этого мы дома учим, учим, учим... Воспитываем, но я всегда говорю, что у каждого свой Бог, свой Аллах. Каждый верит в то, что есть» (муж., 44 года).

Особого внимания достоин психологический мотив, направленный на формирование чувства безопасности у детей и родителей: «Сейчас больше верующей считаю... Сейчас, когда плохо, я к Богу могу [обратиться], типа «Боже, помоги!» или «Бисмилла рахман рахим», чтоб все хорошо было» (дев., 17 лет).

Этот мотив, как правило, сочетается с утилитарным подходом к религии, традиции и нормы которой адаптируются индивидом в соответствии с его потребностями и образом жизни. Ребенок из полиэтничной семьи, считающий себя верующим, следующим образом объясняет причину несоблюдения постов: «Пост соблюдают как: мясо не едят, после шести тоже уже на улицу выходить нельзя, потому что солнце взошло. А то, что на улицу выйдешь или покушаешь лишний раз, от этого ничего не будет» (юноша, 17 лет).

Женщины чаще высказывали мнение, что ни отец, ни мать не оказали влияние на религиозные взгляды детей (36,6% против 27,8%), в то время как мужчины охотнее поддерживали версию о влиянии обоих родителей (39,2% против 32,1%). И женщины, и мужчины, назвавшие только одного из родителей,

оказавшего влияние на религиозные воззрения детей, чаще называли мать, чем отца: «Самую большую роль в этом сыграли, наверное, какие-то случаи, обстоятельства. ...Но изначально, когда мы ходили в церковь – мама. Да, это она начала, говорила: «Давай попробуем». Я не стала отказываться, мы ходили и было замечательно. Мама и обстоятельства» (дев., 18 лет).

Женщины (38,7%) более склонны, чем мужчины (29,9%) считать, что бабушки и дедушки не оказывают влияние на религиозное воспитание своих внуков. Мужчины чаще, чем женщины (28,3% и 19,7% соответственно), соглашались с тем, что в религиозном воспитании внуков равное участие принимают бабушки и дедушки с обеих сторон. Респонденты, которые называют только родителей одного из супругов, чаще отдают предпочтение родителям жены, вне зависимости от своей гендерной принадлежности.

В полиэтничной семье выбор детьми религии во многом зависит от отношений с родителями и родственниками: если ребенку ближе мама, и он чаще общается с ее родителями, выбор становится практически очевидным. Особенно если родственники с этой стороны проявляют достаточную активность, не переходящую в агрессивный натиск: «У меня больше влияние идет с маминой стороны, так как у меня бабушка верующая и таскает нас постоянно по церквям, по храмам, чтобы мы молились. Даже когда я была маленькой, я ночевала у бабушки, и она читала нам молитвы на ночь» (дев., 16 лет).

Некоторые родители также отмечают, что определенные обязательства по формированию религиозных представлений принимает на себя институт образования: «В школе у них это ведется, конечно. В любом случае в семье они должны какие-то основы» (жен., 40 лет).

По результатам исследования можно выделить две базовые модели формирования религиозной идентичности детей в поликультурных семьях: пассивного и активного приобщения к религии. Первая реализуется через во время религиозных праздников, совершения обрядов. К семейным празднованиям склонны даже те супруги, которые определяют себя как неверующие: «Потому, что это выходной, как минимум. При том, что мы оба загружены работой, выходной – это для нас такое счастье. Мне кажется, что, если был любой другой праздник... Т.е. к самому празднику спокойно относимся» (жен., 47 лет).

Традиционные семьи, которые чаще встречаются в сельской местности, выбирают активную модель религиозного воспитания. В частности, девушка из такой семьи рассказала о своем опыте приобщения к религии: «Они [родители] предлагают мне читать молитву. Особенно бабушка у меня занимается. Она читает намаз. Она читает молитвы, она умеет читать на арабском. Она даже учила меня арабскому

языку... Бывает, за чаем она расскажет некоторые вещи. Бывало, что я с ней ходила на уроки в мечеть» (дев., 18 лет). Один из родителей так формулирует свои принципы и инструменты воспитания верующего человека: «Объясняем, показываем. Или иногда поучительные фильмы тоже есть. Я говорю, в этом случае надо сделать так. Иногда же фильмы не по Библии, не по мусульманским обычаям. Я говорю, вот так нельзя делать» (муж., 44 года).

Приведенные данные позволяют утверждать, что значимость религии в разной степени признают большинство опрошенных супругов, состоящих в поликультурном браке. Наличие изоляционистских установок на брак с представителем другой веры в разной степени демонстрируют треть опрошенных, однако при вступлении в межнациональный брак вопрос конфессиональной принадлежности супругов остается важным.

Распространенными вариантами религиозных коммуникативных решений в межкультурных семьях являются наличие общей или сосуществование различных религий супругов. Преобладающими мотивами формирования религиозной идентичности детей являются традиционный, психологический и воспитательный. Приобщение к религии в семьях, в основном, происходит через передачу традиций.

Подавляющая часть полиэтничных семей по структуре власти и модели воспитания может быть отнесена к эгалитарному и демократическому типу, что проявляется и в предоставлении детям возможности выбора своих религиозных воззрений, и в формировании уважительного отношения к религии обоих родителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артеменко О.М. Религиозная идентичность личности как психологический феномен // Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: сб. материалов Третьего конгр. рос. исследователей религии (7 – 9.10.2016, Владимир, ВлГУ). В 6 т. Т. 3 / Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Аркаим, 2016. С. 38-39 // Режим доступа: <https://religiousstudies.in/wp-content/uploads/2016/10/Kongress-Tom-3.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).
2. Богатова О.А. Социологическое измерение религиозной идентичности в полиэтническом регионе // Научный результат. Социология и управления. 2016. Т.2. №3 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskoe-izmerenie-religioznoy-identichnosti-v-polietnicheskom-regione/viewer> (дата обращения: 02.10.2020).
3. Мчедлова М.М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание /Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 335-337.
4. Павлова О.С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 119-133
5. Пронина Т.С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Выпуск 2. С. 155-166 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-kak-psihsotsialnyy-fenomen> (дата обращения: 01.10.2020).
6. Рыжова С.В. Православная идентичность в гражданском обществе: ресурсы и риски становления // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] // Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса (г. Уфа, 2-24 октября 2012 г). М.: РОС, 2012. С. 2549-2557. Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part16.pdf>. (дата обращения: 01.10.2020).
7. Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Гриценко В.В., Константинов В.В., Кузнецов И.М., Павлова О.С., Рыжова С.В., Шорохова В.А. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 71-82 // Режим доступа: https://psyjournals.ru/files/109979/chp_2019_n3_Khukhlaev_Aleksandrova_Gritsenko_Konstantinov_Kuznetsov_Pavlova_Ryzhova_Shorohova.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
8. Шумилова Е.А., Ходжаева Е.А. Особенности становления российской гражданской идентичности мусульман в Татарстане / Отв. ред. В.С. Магун // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 132-168.

Korovkina N.V.
Bashkir State University
Russia, Ufa

Sadretdinova E.V.
Cand. sociol. Sci.
Bashkir State University
Russia, Ufa
golichev@mail.ru

**RELIGIOUS IDENTITY AND INTRODUCTION OF CHILDREN TO RELIGION IN INTERETHNIC FAMILIES
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)**

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Research project № 19-011-00339)

The article reveals some results of a sociological study on the features of religious identity of spouses and social practices of children's inclusion in interethnic families (on the example of the Republic of Bashkortostan). This topic is most relevant for multi-ethnic regions, where interfaith marriages are quite common, despite the presence of isolationist attitudes among a part of the population. Marriages between representatives of various religious movements lead to the formation of a special cross-cultural environment of interaction, which requires the spouses to make many decisions, including on the confessional affiliation of children, on the choice of mechanisms for the formation of religious identity. Based on the author's research, the article analyzes the state of religious identity of a resident of a multi-ethnic region in a dynamic aspect. Special attention is paid to spouses who are in an interethnic marriage. The author studies variants of religious communications, among which the dominant one is the co-existence of religions in variations from "common / unified religion" to "equality". Most of the families studied are classified as egalitarian and democratic in terms of their power structure and upbringing model. The article provides data on the state of religious identity of children raised in multi-ethnic families. The authors call traditional, psychological and educational motives for introducing children to religion the predominant ones. Based on the presented material, the authors come to the conclusion that there are two most common models of introducing children to religion in interethnic families: passive (indirect) and active religious socialization. The first model is the most popular among residents of large cities, while traditional families choose the second one.

Keywords: interethnic family, interfaith marriage, religious identity, confessional identity, practices of joining religion.

Literature:

1. Artemenko O.M. Religioznaya identichnost' lichnosti kak psixologicheskij fenomen // Akademicheskoe issledovanie i konceptualizaciya religii v XXI veke: tradicii i novy'e vy'zovy': sb. materialov Tret'ego kongr. ros. issledovatelej religii (7 – 9.10.2016, Vladimir, VIGU). V 6 t. T. 3 / Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovy'x. Vladimir: Arkaim, 2016. S. 38-39 // Rezhim dostupa: <https://religiousstudies.in/wp-content/uploads/2016/10/Kongress-Tom-3.pdf> (data obrashheniya: 01.10.2020).
2. Bogatova O.A. Sociologicheskoe izmerenie religioznoj identichnosti v polie'tnicheskom regione // Nauchny'j rezul'tat. Sociologiya i upravleniya. 2016. T.2. №3 // Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskoe-izmerenie-religioznoy-identichnosti-v-polietnicheskom-regione/viewer> (data obrashheniya: 02.10.2020).
3. Mchedlova M.M. Religioznaya i konfessional'naya identichnost' // Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. E'nciklopedicheskoe izdanie /Otv. red. I.S. Semenenko / IME'MO RAN. M.: Izdatel'stvo «Ves` Mim», 2017. S. 335-337.
4. Pavlova O.S. Ob e'tnicheskoj, religioznoj i gosudarstvenno-grazhdanskoj identichnosti chechencev i ingushej // Social'naya psixologiya i obshhestvo. 2013. № 2. S. 119-133
5. Pronina T.S. Religioznaya identichnost' kak psixosocial'ny'j fenomen // Vestnik Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii. 2015. Tom 16. Vy'pusk 2. S. 155-166 // Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-kak-psihosotsialnyy-fenomen> (data obrashheniya: 01.10.2020).
6. Ry'zhova S.V. Pravoslavnaya identichnost' v grazhdanskom obshhestve: resursy i riski stanovleniya // Sociologiya i obshhestvo: global'ny'e vy'zovy' i regional'noe razvitie [E'lektronny'j resurs] // Materialy IV ocherednogo Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa (g. Ufa, 2-24 oktyabrya 2012 g). M.: ROS, 2012. S. 2549-2557. Rezhim dostupa: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part16.pdf>. (data obrashheniya: 01.10.2020).
7. Xuxlaev O.E., Aleksandrova E.A., Gricenko V.V., Konstantinov V.V., Kuznecov I.M., Pavlova O.S., Ry'zhova S.V., Shoroxova V.A. Identifikaciya s religioznoj gruppoj i e'tnonacional'ny'e ustanovki buddistskoj, musul'manskoj i pravoslavnoj molodezhi // Kul'turno-istoricheskaya psixologiya. 2019. T. 15. № 3. S. 71-82 // Rezhim dostupa: https://psyjournals.ru/files/109979/chp_2019_n3_Khukhlaev_Aleksandrova_Gricenko_Konstantinov_Kuznetsov_Pavlova_Ryzhova_Shorohova.pdf (data obrashheniya: 01.10.2020).
8. Shumilova E.A., Xodzhaeva E.A. Osobennosti stanovleniya rossijskoj grazhdanskoj identichnosti musul'man v Tatarstane / Otv. red. V.S. Magun // Grazhdanskije, e'tnicheskie i religiozny'e identichnosti v sovremennoj Rossii. M.: Institut sociologii RAN, 2006. S. 132-168.